

Николай Бажин

Степан Рулев

Николай Федотович Бажин

Степан Рулев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2889855

Аннотация

«Никита Никитич Рулев был женат два раза и имел двух сыновей. Старшего (от первого брака) звали Андреем Никитичем, а младшего (от второго) Степаном Никитичем.

Старик Рулев сначала был крестьянином и пахал землю; потом был забран в солдаты и исполнял свою обязанность очень усердно: из сражений он вынес одиннадцать ран и капитанский мундир. Старик был умен, храбр и очень силен. Рулев младший, имея и мать довольно умную, да притом родившись совершенно здоровым, не имел никаких резонов выйти дураком, тем больше что и жизнь с самого начала повела его не к апатии, а к усиленной мозговой деятельности. Отец не вмешивался в развитие младшего сына, потому что не любил его, а благодаря матери Рулева младшего действовал на ребенка другой, в то время в высшей степени полезный и редкий человек...»

Содержание

I	4
II	13
III	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Федотович Бажин

Степан Рулев

I

Никита Никитич Рулев был женат два раза и имел двух сыновей. Старшего (от первого брака) звали Андреем Никитичем, а младшего (от второго) Степаном Никитичем.

Старик Рулев сначала был крестьянином и пахал землю; потом был забран в солдаты и исполнял свою обязанность очень усердно: из сражений он вынес одиннадцать ран и капитанский мундир. Старик был умен, храбр и очень силен. Рулев младший, имея и мать довольно умную, да притом родившись совершенно здоровым, не имел никаких резонов выйти дураком, тем больше что и жизнь с самого начала повела его не к апатии, а к усиленной мозговой деятельности. Отец не вмешивался в развитие младшего сына, потому что не любил его, а благодаря матери Рулева младшего действовал на ребенка другой, в то время в высшей степени полезный и редкий человек. Из-за этого-то человека старый Рулев не любил ни младшего сына своего, ни мать его, Лизавету Николаевну. Человек этот был бедный, вечно больной учитель, от которого теперь не осталось ни креста на кладбище, ни памяти в свете, но убеждения которого спасли *человека*

не в одном из мальчиков, приближавшихся к нему. Лизавета Николаевна еще до замужества любила его, не потому, конечно, чтобы понимала вполне его ум и его роль относительно будущего поколения, а потому просто, что она молодая и он молод. Он был в высшей степени симпатичная личность, личность честная, да кроме того поражающая оригинальным окладом ума и, вследствие этого, своим одиноким положением среди остального общества. Учитель не любил Лизавету Николаевну, но знал ее как неглупую девушку, а потому сошелся с ней и, пользуясь влиянием на нее, научил ее смотреть на жизненные отношения иначе, чем смотрит большинство. До самой своей смерти он оставался *только* другом Лизаветы Николаевны. Не женился он на ней потому, что любил другую девушку.

За Лизавету Николаевну в это время посватался Никита Никитич Рулев, незадолго перед тем овдовевший. Мать Лизаветы Николаевны была женщина бедная, существовавшая только работой, и потому ей долго думать было нечего. Одежи Лизавету Николаевну в белое платье, вплели в ее волосы цветы, подвели к наложнице, а затем и передали в домик старого капитана. Горько тосковала Лизавета Николаевна, потому что человеку, постоянно думавшему о лучшей жизни и привыкшему к мыслям об этой жизни, — тяжело войти в другую жизнь. Мозг работает в прежнем направлении, — мысли прежние, а жизнь иная. В это же время заболел учитель, и заболел уже безнадежно. В какой-то дождливый осенний ве-

чер Лизавета Николаевна пришла к нему с старой нянькой.

– Вы больны? – спросила молодая женщина, тихо вздрагивая.

– Очень болен, – отвечал учитель, приподнявшись на локте с своей кровати.

– Выздоровеете, бог даст, – чуть слышно проговорила Лизавета Николаевна.

– Нет, – спокойно отвечал учитель.

– Возьмите эти книги, Лизавета Николаевна, – сказал он после тяжелого молчания. – В них я оставляю вам все мое наследство.

Лизавета Николаевна взяла книги.

– И прощайте, будьте счастливы, – проговорил опять учитель.

Молодая женщина, рыдая, ушла.

Учитель умер в эту же ночь, и вся любовь молодой женщины кончилась тем, что заронила в ней много дельных, человеческих мыслей, да еще разнеслись сплетни по городу об ее прощанье с учителем. Утверждали, что это свиданье далеко не было первым. Слухи эти дошли до старого капитана, который, поверив им, пожалуй и вовсе не считал Степана своим сыном. Поверил же он им потому, что Лизавета Николаевна была вечно задумчива и грустна, думала, очевидно, не о нем, – и весь он возмущался при мысли, что она, жена его, может думать о ком-нибудь другом кроме него – ее мужа и господина.

Лизавета Николаевна все тосковала. К старшему сыну капитана, Андрею Никитичу, она не чувствовала особенной склонности, да и он почему-то дичился ее. Когда родился Степан Рулев, и молодая женщина страстно привязалась к нему, во-первых, потому, что молодым силам ее открылась деятельность, во-вторых, что, наконец, явился человек, на привязанность которого она твердо могла рассчитывать, а одиночество было ей уже слишком тяжело. Прежние мысли не оставляли ее. Часто думала она об умершем учителе и представляла себе жизнь, которою наслаждалась бы она, если бы жила с ним, а не с старым Рулевым. Рассказывая сказки своему маленькому сыну, она часто с глубокой тоской выводила в них учителя и его жизнь, потом постепенно передавала сыну взгляд учителя на жизнь и даже читала ему рукопись покойного под заглавием: «О человеческих отношениях». Эти-то мысли, во многом не сходные с мыслями местного общества, и будили умственную деятельность ребенка. При других условиях из него вышел бы отвлеченный мыслитель, но с самого же начала его здоровая натура повела его по другой дороге. Он наследовал от отца большую физическую силу, как другие наследуют чахотку. Мускулы его просили деятельности – тянули его бороться, бегать, плавать. Среди деревянных барчонков, разодетых как куклы, прогуливавшихся по улицам в сопровождении нянек, ему было невыносимо скучно. Скоро сошелся он с рыбацкими детьми и, наскучив книгами, по целым дням проводил за

городом на реке – учился плавать, грести на лодке, править рулем, ловить рыбу и ставить парус. Варил он где-нибудь на пустом берегу с маленькими рыбаками уху, купался с ними, пел их песни, а возвращаясь к ночи в город, правил рулем или греб, как настоящий рыбак-ребенок. Он жил с рыбаками как с братьями и был весел, потому что наслаждался превосходнейшим здоровьем. Промышляя с мальчиками-рыбаками и сестрами их, – которые также усердно работали, – Рулев с малолетства привык смотреть на женщину только как на человека и ни в какие тонкости относительно женщины не пускался.

Под влиянием такой жизни он быстро усвоил некоторые, пока еще очень немногие мысли из рукописи: «О человеческих отношениях», а остальное являлось ему как предчувствие какой-то иной, светлой жизни. Сам он не имел еще данных, необходимых для понимания этого остального, а мать не могла дать ему ясного объяснения.

Вследствие всего этого из него вышел вот какой мальчик: Как-то научили одного барчонка спросить Степана при Лизавете Николаевне: как ему не стыдно играть с такими нищими? Разве они родные ему или братья?

Барчонок и спросил.

– Что? – сказал Рулев, подымаясь из-за книги.

– Разве они тебе родные или братья? – повторил барчонок заученный вопрос.

Лизавета Николаевна вспыхнула.

– Нищий ты, – ответил, побледнев, мальчик. – Ты живешь подаяньем, а они сами себе достают хлеб. Ты что умеешь делать? А они с голода не умрут... А в другой раз я тебе за это в кровь разобью морду, – проговорил, тяжело дыша, мальчик, и как-то страшно вышло у него слово кровь. – Слышишь? – докончил он и, тяжело дыша, подошел к матери.

– Вели ему уйти, – сказал он, чуть не задыхаясь от тяжелой злобы.

После этой сцены Лизавета Николаевна целый день просидела очень задумчиво. Отчего задумчиво? Оттого, что в сыне она ясно видела повторение покойного учителя и, как мать, боялась за его будущее. Так называемых «людей дела» она не видала и не знала ничего о них, а если бы знала, то, верно, всю эту ночь прорыдала и промолилась бы о сыне как о погибшем для нее. Рулеву младшему было в это время уже одиннадцать лет. Он читал много, жадно и быстро, читал все, начиная от французских романов до книг духовного содержания и дельных исторических сочинений. Иногда, когда не хотелось идти на реку, он читал с раннего утра до поздних сумерек, и в это уже время был близорук. Отец не вмешивался в его занятия, а сын относился к отцу равнодушно, потому что бесконечно любил мать. Один раз как-то мальчик работал в саду – рыл землю, и железная лопата только звенела о камень да поблескивала в его мускулистых руках. Отец остановился за ним и смотрел на работу.

– Да ты, брат, силач, – сказал он наконец.

Мальчик положил подбородок на рукоять лопаты и пристально взглянул на отца.

– Я скоро сильнее тебя буду, – сказал он серьезно, смотря отцу в глаза.

Старик тоже посмотрел на него, повернулся и ушел.

Затем отец отдал его в одно учебное заведение. В этом заведении было мало толку: кормили плохо, зимой было холодно, работа – не по силам, ученье было в высшей степени мертвое и гнилое. Мальчики болели и от науки бегали. Рулев с своим здоровьем вынес сырость, холод и скверную пищу, но на науку тоже рукой махнул. Человек в нем не мог погибнуть, потому что мозг, долго работавший и, так сказать, привыкший к работе, много еще лет будет работать и сам по себе. Рулев опять взялся за книги. В свободные часы он бегал, играл в мяч, боролся, таким образом все силы его были в действии, и, значит, жить можно было. Так прошло несколько лет его жизни в школе. В семнадцать лет у него набралось громадное количество знаний, вынесенных из чтения. Знания эти представляли страшный хаос, противоречили одно другому. Надо было найти ложь и правду. С этой поры началась серьезная умственная деятельность Рулева.

Счастье человека казалось Рулеву естественным, как деятельность мускулов, пока мускулы живы, как пользование воздухом, пока не сгнили легкие; а большинство людей страдает, да еще проповедует полное отречение от всякой радости.

Люди не отличаются много друг от друга, — а в их положении страшная разница.

Женщина — тот же человек, с такими же силами и неизбежным стремлением дать деятельность этим силам; а для нее деятельность сделана труднодоступной.

Для верного доставления и решения этих задач сам собою представлялся вопрос: что такое человек, какие условия его жизни, его силы и потребности? Рулев взялся за анатомию, физиологию и вспомогательные науки, доставал, какие только возможно было, медицинские книги, но брал из них только строго доказанные факты, отвергая всякие бредни натурфилософов. Человека абсолютно Рулев узнал. Для решения вопроса о влияниях на человека всей остальной природы он взялся за историю и все относящиеся сюда знания... Мускульная работа его тоже не прекращалась: он плавал, с любовью занимался гимнастикой, не бросал ни одной из игр, развивавших силу.

В двадцать лет он уже совершенно сформировался физически и выработал самостоятельный, строго реальный взгляд на жизнь. Никто на его глазах не смел поднять на смех какого-нибудь бедного труженика-человека. Один барич из его товарищей попробовал как-то, но взглянул на побледневшее лицо угрюмо поднявшегося Рулева и дал тягу.

В это время Рулев сделался угрюм, потому что, по его взгляду на жизнь, надо было искать работу по сердцу, а Рулев был пока связан. Скоро он завел переписку с отцом. На его

первое, очень немногословное письмо старый капитан отвечал, что у него есть теперь впереди верный кусок хлеба, и поэтому толковать не о чем. Рулев написал за этим еще более краткое письмо, в котором говорилось, что если отец не может помочь ему, то он попробует обойтись и без него. Старик прислал ему следующее послание:

«Посылаю тебе рубль серебра денег. Этот рубль остался от твоей матери, а своих денег у меня нет для тебя. Делай как знаешь, ступай куда хочешь, – да забудь и дорогу к моему крыльцу.

Никита Рулев».

II

Рулев не отвечал на это письмо. Он давно порешил, что дело не останется и не должно остаться в прежнем положении. Прежде всего нужны были деньги. Дело было во время школьных экзаменов. Рулев работал за десятерых: писал целые диссертации, переписывал огромнейшие тетради, переводил целые книги, одним словом, работал день и ночь и деньги приобрел. Затем он простился со школой, надел, вместо куртки, старенький сюртучок, подвязал за плечи котомку и ранним утром, еще до восхода солнца, отправился в дорогу. Первый день пути он был угрюм и задумчив, не потому, чтобы будущее представлялось ему трудным и нерадостным, а потому просто, что жизнь, шедшая однообразно несколько лет, теперь переменилась. Я согласен с гигиенистом, говорившим, что человек много лет проживший в темной и душной тюрьме, – по выходе из нее будет жалеть о ней. Пожалуй, это не жалость, а просто неловкость, тяжелое положение, когда мысль создает старые лица и места, а лиц этих уже нет, да и вовсе они неуместны при новой обстановке.

Но пошли села и деревни, по дорогам обозы, – и мысли Рулева приняли другое направление. Из своих занятий Рулев вынес одно убеждение, что нужно крепко работать. Его нормальная, здоровая натура говорила ему, что счастье человека только в деятельности всех его сил. Но как и где работать?

Для этого надо было сначала потолкаться между людьми и посмотреть на жизнь в разных местах. Значит, нужна была полнейшая независимость – без всяких стеснений: жить, где угодно, заниматься, чем найдет нужным, и т. д.

– Ты кто такой? – спрашивали теперь Рулева.

– Человек, – отвечал он обыкновенно...

– Куда же ты, человек, идешь?

– Иду из школы на родину, – говорил Рулев и отправлялся дальше.

Но, раздумывал он, если впоследствии меня встретят на дороге путешествующим куда-нибудь пешечком, если спросят паспорт и найдут, что он действительно только человек, – чина никакого не имеет, ремесла тоже, а бродит без особенной цели, то человека могут и в полицию стащить. Это вышло бы очень неудобно, и Рулев порешил, что нужно держать экзамен на какого-нибудь учителя.

Он остановился в городе, понравившемся ему своим положением на большой судоходной реке. На базаре стон стоял от собравшегося бурлачества, судохозяев и торговцев. На реке толпились барки, сплавы леса и лодки – значит, город был веселый и деятельный; разный люд сходиллся в него со всех губерний и опять расходился во все края. Рулеву ничего лучшего не надо было. В то время он был здоровый, высокий, широкоплечий мужчина, с загорелым от путешествия лицом, смотрел откровенно, говорил еще откровеннее, и хорошему человеку можно было сойтись с ним в один день.

Предполагаемое дело не заняло еще всех его способностей, да к тому же тогда в нем не накопилась еще вся, развившаяся впоследствии, непримиримая злоба и ненависть ко всей жизненной мерзости. Положение его тоже возбуждало в нем веселые мысли, потому что завтра же он мог сделаться конторщиком, приказчиком, домашним учителем, каменщиком или фабричным рабочим, и, во всяком случае, с голода умереть не располагал, так как был здоров и силен.

В тот же день вечером Рулев отправился на базар, потолковал с бурлаками, а затем зашел в базарную «таверну», спросил там бутылку пива, закусил, покурил, подумал и решил завтра же искать занятие.

На другой день он зашел в книжную лавку, поговорил с купцом и увидел, что тот и сам ее знает, что у него за книги продаются.

– Хотите вы меня приказчиком взять? – спросил Рулев. – Через неделю я книги приведу в порядок, сделаю им опись, и всякую книгу можно будет в две минуты найти; а не сумею, так прогоните и денег не давайте.

Купец долго был в нерешимости, думая, не подвох ли тут какой, но потом согласился взять его на испытание, и через месяц Рулев был в лавке уже один. Купец, заметив, что торговля пошла шибче прежнего, вполне доверился новому приказчику и, как малый деятельный, отправился торговать книгами по селам.

Как-то в праздничный день Рулев отправился на базар.

Там он бывал часто – толковал с бурлаками, барывался с ними, затем пировал с ними в разных харчевнях и приобрел себе много приятелей, тем легче, что большинство бурлачества были его земляки. Здесь-то, среди земляков и выходцев из разных губерний, Рулев часто подумывал о своей родине. Он не отправился теперь туда потому, что слышал много хорошего о другом крае. Прежде надо было посмотреть его.

На базаре Рулев встретил знакомого купца. Купец этот был странная личность. Высокий, крепкий, загорелый, с длинными русыми волосами, – приходил он на базар, высматривал, где борются или дерутся бурлаки, садился, полужакрывал лицо руками и задумчиво смотрел на драку; потом вставал, победителя вызывал бороться, большею частью побеждал, а затем уходил в базарную таверну: пил, бывал пьян, но всегда сидел себе молчаливо. Звали его Скрыпниковым. Рулев познакомился с ним с того, что чуть было не убил его до смерти. Дело было так: в последнее воскресенье Скрыпников по обыкновению вызывал бурлаков бороться. Бурлаки не шли, потому что недавно сошли с барок и истомились после тяжелой работы. Скрыпников привел несколько эпитетов, которыми сердят бурлаков.

– Ты, друг любезный, на печи все лежал, а они за работой руки повыломали, – вмешался Рулев. – Со мной не хочешь ли попробовать?

– Отчего не попробовать, – ответил Скрыпников.

Боролись на поясах. Рулев перебросил купца через себя,

да так, что того на руках отнесли в таверну – поотдохнуть маленько. В тот день земляки из кабака не выпускали Рулева и все дивились и толковали об его силе. Рулев почти не пил, а больше расспрашивал и слушал.

На этот раз Скрыпников опять задумчиво сидел на наваленных у забора бревнах и не то слушал, не то нет рядившихся с каким-то приказчиком бурлаков. Он дружески встретил Рулева и пожал ему руку.

– Вы меня порядочно тряхнули тогда, – сказал он, задумчиво улыбаясь.

– Еще не хотите ли? – спросил Рулев, усмехнувшись.

– Благодарю покорно, – отвечал с своей задумчивой улыбкой Скрыпников. – А познакомиться с вами рад буду. Я здешний купец, живу один – с сынишкой. Рад буду нашему знакомству, – повторил он и опять протянул Рулеву руку.

Рулев подумал: «отчего не познакомиться?» – Погода теперь жаркая, – пойдемте купаться, – сказал опять Скрыпников.

Пошли они к реке и выкупались. Потом уселись на берегу под высоким камышом, потолковали о бурлаках, покурили. По реке изредка проходили лодки; летали над ней рыболовы; в гостинице заиграл орган, и женский голос запел «Хуторочек»¹. Скрыпников молча прослушал песню и засмотрелся на реку.

¹ ...женский голос запел «Хуторочек» – песню на слова А. В. Кольцова, музыка А. Дюбюка.

– Отчего это – в воде холодно всегда, а в ней трава растет? – спросил он наконец, не поворачиваясь к Рулеву.

Рулев объяснил ему.

– Отчего же земля под водой тепла не теряет? – спросил опять Скрыпников.

Рулев объяснил и это.

– Выходит, что чем больше вы мне рассказываете, тем больше мне спрашивать нужно, – сказал, подумав, Скрыпников и вздохнул.

Минут с десять они сидели молча. Рулев покуривал и ждал, что будет дальше.

– Как вы думаете, – спросил купец, – можно ли сделать такую деревянную рыбу, чтобы и против течения сама собой плыла и перьями водила?

– Можно, – отвечал Рулев.

– Со мной вот такая была история, – продолжал Скрыпников. – Жил здесь, видите, мужичок слепой; он машину одну выдумал. Иду я как-то, мальчишкой еще, с реки. Рыбу я любил удить. А он сидит без шапки на берегу, на лодке опрокинутой, и задумался, лицо руками закрыл. Я около него сел отдохнуть. «Откуда, говорит, молодец?» – «Рыбу, говорю, удил». – «Когда-то, говорит, и я любил. А теперь вот она, река-то, где бежит – синяя, светлая да глубокая, а я только и знаю, что шумит она да холодком с нее веет, а видеть ничего не вижу. А как ты, молодец, думаешь, – спрашивает он меня, – можно пустить такую деревянную рыбу, чтобы и про-

тив течения шла, и перьями управляла, и жабрами водила?» Я молчу. А он поворотил прямо ко мне лицо, задумчивый такой. «Можно, говорит, можно», и опять призадумался, лицо руками закрыл... С тех вот пор думал я, думал о рыбе той, о пароходах и машинах разных: то одно начну чертить да строгать, то другое, а толку нет. Толку нет, да и от мысли нет отбоя, – и во сне машины снятся.

– Вам бы надо механике учиться, – заметил задумчиво Рулев.

– Где тут учиться, – горько возразил Скрипников. – Драться тут, или водку пить, или учиться, – что-нибудь одно. Да где и учителей-то взять?

– Книги вам надо выписать и самим учиться...

– Что за книги? – спросил Скрипников.

Рулев сказал ему.

– Пойдемте ко мне, – сказал потом Скрипников, вставая.

Рулев согласился, и они пошли по улице.

– Вы здесь чем занимаетесь? – спросил дорогой Скрипников.

Рулев объяснил свое положение, и Скрипников точно обрадовался.

– Хотите вы поселиться у меня и сына моего воспитывать? – спросил он вдруг, остановившись посреди улицы. – Со мной вы, наверное, сойдетесь, а сынишко у меня умный мальчуган.

– Для меня учителем лучше быть, чем приказчиком, –

просто ответил Рулев.

Тут же и уговорились.

Скрыпников принадлежал к числу механиков-самородков и так много придумывал разных машин, до того путался в разных подробностях своих фантастических изобретений, что едва не сошел с ума. Одна и та же бесплодно повторяющаяся мысль, от которой нельзя было освободиться, привести в исполнение которую не хватало сил, должна была производить мучительное состояние. Это положение должно было или кончиться сумасшествием, или вызвать противодействие в других человеческих силах: вызвать Скрыпникова на всякие безалаберные действия, с целью забыться от этой мысли, избавиться от одностороннего, болезненного напряжения мозга. Пока случилось только последнее. Рулев рассчитал, что как только Скрыпников обратится к правильному занятию механикой, вся эта безалаберщина должна прекратиться. Так оно и случилось. Скрыпников не боролся больше с бурлаками и не раздумывал в кабачках о своей деревянной рыбе, а изучал математику и механику.

Рулев немедленно сдал все книжные дела хозяину, а сам переселился к купцу и занялся его сыном.

III

Следующей весной Рулев был уже уездным учителем в том крае, который находил нужным посмотреть поближе. Он по прежнему был здоров; в свободное время бродил, ездил верхом, читал, хотя уже только относящиеся до его дела книги, но он сделался больше решителен, даже резок, и еще больше угрюм. Он видел уже слишком много страданий человека, зла всякого, погибавших людей, и мысль о деле уже совершенно овладела им. Он пробыл на этом месте целый год, узнал все, что ему нужно было для его расчетов, и переехал в другую часть этого края. Прежняя часть была богата табунами лошадей, а эта разными племенами человеческими; но люди только пакостили землю, и ужиться с ними Рулев не мог. В это время я встретил его во второй раз; в первый же я видел его тогда, когда он только что вышел из школы. Он ходил в своей комнате взад и вперед; на столе лежали географические карты и груда набросанных на всяких лоскутках заметок о крае. Рулев сильно похудел после нашей первой встречи; глаза сделались больше, между бровями образовались складки; говорил он тише и резче. Я просидел у него часов до трех ночи, так завлекательны были его разговоры. Относительно его резкости и ума я приведу только один случай. С ним желал познакомиться один молодой господин, замечательный не только физической силой и здоро-

вьем, но и не глупый. При первом же свиданье Рулев обратился к нему с следующим вопросом:

– До сих пор вы умели только собак гонять – что же намерены делать теперь?

Начатое таким образом знакомство кончилось тем, что при отъезде Рулева молодой господин непременно хотел ехать за ним всюду, хоть на край света, но Рулев урезонил его остаться. В другой части края Рулев пробыл еще дольше, потому что она прилегала к его родине, да и люди встречались здесь чаще. А хорошие люди были Рулеву нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.